

Листопад

СЕРГЕЙ ГАВРИЛОВ

(Окончание. Начало в «КП» №116 от 19 октября 2017 г.)

Слава продолжал рассказывать. Я же с этого момента будто наяву стал представлять всё происшедшее. Картины службы моего собеседника мелькали в моём воображении с придуманными уже мною подробностями. Голос звучал словно за кадром интересного кинофильма.

Я словно воочию видел, как Слава заходил за документами в служебное помещение, где Леночка, отрываясь от дел, поднимала свои милые, голубые глаза, и он будто купался в полупрозрачных, перистых облаках среди бескрайней синевы. Какая-то добрая невидимая энергия исходила от этой женщины вместе с тёплыми, ласковыми словами и внимательным, светлым взглядом.

— Как-то, — продолжал рассказывать Слава, — поздним вечером Скобликов устроил очередное внеплановое учение, и все с полной боевой амуницией побежали из городка на позицию, примерно 6 километров. Подполковник похозяйски сел в УАЗик и уехал вперёд, обозначив для всех время прибытия.

Наш герой видел, как тяжело было бежать Елене Ивановне с автоматом за спиной, и, недолго думая, взвалил на себя второй автомат, протянув руку. Речь моего собеседника стала эмоциональной, он явно волновался, и я понял, что тогда произошло что-то важное между ним и Леночкой, возникла незнакомая ранее связь доверия и открытости. Я представил, как они, взявшись за руки, уже не просто бежали, а парили в изменённом мире. Под ногами была уже не дорога, а синее небо, и звёзды, словно золотистая пыль, осыпали армейские ботинки. Пушистые ели, устремлённые макушками вниз, замерли как серебряные гирлянды морских водорослей. Всё вокруг было в ожидании какого-то чуда. Неуловимое счастье, так долго томившееся и готовое вырваться из груди мужчины и женщины, словно проснулось. И всё вокруг: призрачный, фантастический лес, синее небесное море под ногами, словно ощущало родившуюся тонкую нить доверия между парящими силуэтами. Всё замерло в безмолвии и согласии, глядя на два мерцающих созвездия, синхронные движения которых говорили о единых помыслах, одной цели, о зарождавшемся чувстве любви друг к другу.

Внезапно, словно жёлтые, пронзительно-горящие глаза, дорогу осветили два мощных прожектора. «Это он!» — вскрикнула Леночка и отцепила свою руку от руки Славы. Фантастический мир сразу исчез. Из-за поворота показался УАЗик и, взвизгнув тормозами, остановился перед бегущими. «Вот вы где! Не уложились по времени! И почему автомата нет!» — заорал Скобликов, глядя на жену.

С этого дня не влюбил командир подчинённого офицера и при удобном случае искал подвоха в его службе. Но Слава не отчаивался — у него появилась внутренняя радость от редких встреч с доверчивыми, небесного цвета глазами Леночки.

Тайно вечерами он прогуливался у окон её дома, надеясь увидеть в них милый силуэт... Как-то стоя напротив, под раскидистой яблоней, он услышал тихое: «Слава». Обернувшись, он увидел Леночку, звавшую его. Их руки встретились. Взгляды излучали потоки нежности. «Я всё понимаю, но не могу быть с тобой», — шептали зовущие губы женщины. А он, словно онемев, слушал её и молча гладил протянутые руки. «Я должна быть примерной женой, у меня две дочери», — почти касаясь лица Славы, продолжали шептать страстные, истосковавшиеся губы Леночки...

Вдруг ярко зажглось прямо перед ним окно, осветив пространство перед домом. В проёме рамы показалось ужасное лицо Скобликова. Оно было каким-то странным, необычным, похожим на чудовищного монстра. Он словно снял узнаваемую маску подполковника и остался при своей истинной натуре, думая, что его никто не видит. «Ах! — всхлинула Леночка, прижимаясь к Славе. — Мне надо идти», — и, освободившись от объятий, убежала в подъезд двухэтажного дома...

На следующий день неожиданно пришёл приказ о направлении Славы на полигон в далёкий Ашулук Астраханской области. Кто служил, точно знает о таком месте.

— Больше я не видел Леночки. Когда я вернулся, её мужа перевели в другое место службы, а вскоре и я уехал по новому назначению, — прервал свой рассказ Слава, глядя на видневшийся полуразрушенный дом. Деревья неожиданно сильно закачались от налетевшего ветра, и я увидел ту яблоню, что стояла на фоне жёлтого строения.

— И всё же нам нужно туда сходить, к этому дому, просто необходимо, — на-



стойчиво звучал мой голос. Во мне проснулось сильное любопытство и желание побыть там, где всё происходило. Я вдруг, сам от себя не ожидая, взял за руку своего нового знакомого и потянул за собой. Слава покорно, как когда-то на свидании, подчинился и пошёл за мной.

Мы молча подошли к дому, зашли в подъезд и остановились.

— Эта квартира, — показал рукой Слава.

Я постучал. За дверью послышался шорох, но никто дверь не отворил. После некоторого раздумья я нажал на неё и открыл. Скрипя половицами мы медленно прошли в комнату. У стены стоял старый диван, посередине — пустой стол. Было достаточно убрано: какие-то вещи, одежда лежали на диване и на табуретке. Вдруг снова послышался шорох. Мы оглянулись. Из туалета, который остался позади, тихо кралась какая-то фигура к выходу.

— Стой! — крикнул Слава и, бросившись назад, схватил незнакомца.

— Я ничего не знаю, ничего не знаю, — лепетал маленький не то таджик, не то киргиз.

— Ты кто? Живёшь здесь? Давно? — поинтересовались мы.

— Я ничего не знаю, — продолжал испуганно лепетать узкоглазый скуластый незнакомец.

Поняв, что он нас боится, видимо, приняв за представителей полиции, мы попытались успокоить его, объяснив, что не принесём ему неприятностей. И через некоторое время мы узнали, что в городке сейчас нелегально живут несколько мигрантов, алкоголики и лица, потерявшие жильё по каким-то причинам. Наш собеседник подрабатывал на стройке, хотя я лично предположил, что он может заниматься и незаконными делами.

— Когда воинскую часть расформировали? Давно здесь живёшь? — продолжал спрашивать Слава.

— Никого нет. Полгода здесь. Никого больше нет, — ответил (как мы выяснили) таджик.

Мы уже собрались уходить, как он неожиданно добавил:

— Женщина недавно приезжала одна. Тоже заходила, спрашивала.

— Какая женщина, — встрепенулся Слава.

— Не знаю. Вот уронила, и таджик подал нам бумажку.

Это была квитанция на получение бандероли. Была написана фамилия и адрес какой-то.

— Лас-точ-ки-на, — медленно, по слогам прочитал Слава и добавил: «Её девичья фамилия была Ласточкина». Он задумчиво повернулся ко мне, но его глаза не видели меня. Взгляд устремился в неопределённую точку. Он явно напряжённо о чём-то думал.

Мы, оставив таджика в квартире, вышли на улицу. Слава всё это время молчал и будто не замечал меня.

— Почему девичья фамилия? — сам себя спросил он.

Он подошёл к той самой яблоне и осторожно прикоснулся к её извилистому стволу. Глаза его вдруг широко раскрылись и стали голубыми-голубыми, как будто чистое, нетронутое облаками летнее небо...

Поняв, что ему больше не до разговоров со мной, я решил уйти. Уходя, я ещё раз оглянулся. Мой неожиданный знакомый всё также стоял под яблоней, которая обильно осыпала его последними листьями. Я медленно уходил. А позади всё также, замерев, стояли мужчина и яблоня... Листопад продолжался...

Однажды в маршрутке

АННА НИЛЬСЕН

Тёмным осенним вечером Аня возвращалась домой с работы и весь путь от Москвы до Подлипков простояла в переполненном тамбуре электрички. Тяжёлая сумка, по мере приближения к станции назначения, становилась почему-то ещё тяжелее.

«Зачем на этой электричке поехала?» — крутился в голове ненужный теперь вопрос. Но Аня лукавила, потому что ответ знала ещё в Москве — на следующий поезд надо было тащиться аж на последний путь, а этот — вот он, пожалуйста, напротив турникетов поджидал.

«Ладно, — уговаривала себя Аня. — В маршрутке посижу». Хотя ехать на маршрутке до дома — всего ничего, но в тамбуре

электропоезда мечты о мягких сиденьях маршрутки как-то особенно влекли к себе и одновременно успокаивали.

Наконец-то доехали до Подлипков. Аня миновала подземный переход и вышла на площадь. Маршрутка с открытой дверью словно только Аню и дожидалась — девушка вошла, и тут же дверь закрылась: поехали. Заплатив за проезд водителю, Аня обернулась в салон. Вот это да! Все места заняты! У окон сидели три женщины, а остальные пассажиры, как успела заметить Аня, были мужчины.

Аня уже не на шутку разозлилась и на себя, и на водителя. «Надо было сначала посмотреть, а потом уже лезть в эту таратайку!» — это к себе. «А он что стоял-выжидал, если сво-

бодных мест нет?» — это к водителю. Сумка вдруг стала неподъёмной, и Аня пожалела, вполне серьёзно, что не оставила её в тамбуре электрички.

И тут из конца салона раздался громкий, пьяный голос:

— Девушка, проходите сюда, садитесь.

«Всё одно к одному — мне ещё пьяного не хватало!» — поморщилась Аня, но сказала:

— Спасибо, я постою.

Но пьяный мужчина был настойчив и горласт:

— Нет, нет — идите сюда, я уступлю вам место.

В салоне все чуточку оживились, видимо, ожидая небольшого представления. Аня, скрепя сердце, стала продвигаться к пьяному «джентльмену», представляя, как он будет нависать над ней, бубня пьяным голосом.

«Пьяные почему-то благоволят ко мне, а вот нормальные, трезвые никогда места не уступят», — промелькнула подозрительная мысль в Аниной голове.

С последнего одиночного места с трудом, покачиваясь на нетвёрдых ногах, поднялся мужчина в годах. Он снова шумно предложил своё место, а сам встал рядом, прислонившись спиной к задней стенке. Аня поблагодарила и села. Остальные пассажиры внимательно наблюдали эту сцену в конце салона, повернув головы назад.

Аня уже уселась, и представление было вроде закончено, но все — а это были молодые мужчины, — продолжали, обернувшись, с насмешкой смотреть на пьяного. Наверное, ждали новой серии. И дождались!

Пьяный мужчина, заметив их взгляды, сказал совсем тихо, словно для себя, и с большим достоинством:

— Смотрите? Ну, посмотрите. Посмотрите на настоящего мужчину...

Все головы молодых, красивых и трезвых одновременно отвернулись, будто им дали пощёчину.

А Ане стало радостно от того, что есть ещё нормальные мужчины, которые могут с достоинством вести себя в любой ситуации и при любых обстоятельствах. Нет, она никогда не одобряла алкоголь, но в данной истории не стала обвинять незнакомца — он дал хороший урок поведения тем, кто считает себя выше и с презрением относится к слабостям окружающих.

Когда Аня выходила на своей остановке, мужчина легонько дотронулся ей до плеча и пожелал всего доброго.